Вслед за этой „грамотой“ помещается „список с переводу польскаго письма, а в Полше переведено с турскаго писма и языка“ — послание „султана“ к „польскому королю“ (№ 6). Здесь „султан“, между прочим, жалуется на казаков: „для чего воздвиг на наше панство монархию казаков украйнских, что собак бешеных пропущаешь, которые в поле разоряют и пущают...“ (455). За этим следуют образно-риторические угрозы: „Не отсидитеся, как наши орды татарския страшныя в полях диких покажутся, его же око исчещи не возможет, которые к нам идут... задрожит весь свет, не токмо король с князми милыми своими, но и земля таковых войских воздержать не возможет. Когда который с войски своими пройдет, море воздрожит, звери зарычат, лесы возшумят, и звезды почюдятся шума ради громов наших, когда из пушек исходят страшные и огненные и сильные гласы, в то время узнаете веру нашего, распятаго *бога вашего, в котором имееши надежду...*“ (455).

В последней (№ 9) грамоте — втором послании „султана“ к „польскому королю“ — дается аналогичная и еще более развитая картина: „и те (войско турского царя. — *А. Р.*) на тебя будут яко водная попотопа и грозная туча... и в те поры с великою страстью и с дрожью нашу силу и мочь изведаете. Вздрогнет твоя земля, и государство не поднимет ту великую войскую силу, и великое море начнет волнами играти, как большая корабельная сила наших каторг окажется, и на мори станут ворошиться дикие звери, устрашатся и учнут бежать и кричать и реветь, от нашея силы гнутся. И небо, что бог сотворил, и солнце и месяц, и звезды удивятся и ужаснутся, как и страшные свои большие громовые и молненые огнь пущаемые пушки велю запалить и выстрелить, то вся земля от того вздрогнет, и лесы и древа от того учнут валятся кучами от великия силы и многих нащих пушок. Что ты, королишко, в то время скажешь с своими з горсткою людми, как ты ту силу увидишь, делаешь, будто хочешь комаров и слепней повоевать *нашу мочь и силу*“ (457).

Риторический пафос сочинителя-канцеляриста достиг здесь своего апогея и явно нарушил всякую меру художественности. Используя привычные образы старой книжной и частично фольклорной поэтики произведений „воинского“ жанра, составитель этих грамот превратил их в бутафорское нагромождение риторических „ужасов“.

Не ставя своей целью произвести детальный анализ приведенных риторических картин обеих грамот, поскольку сами они выполняют только служебную роль в нашей работе, ограничимся сопоставлением нескольких наиболее характерных традиционных мотивов, в некоторых случаях типологически связанных и с Поэтической повестью.

Вражеских войск — „око исчести не возможет“. Ср. в Повести о Мамаевом побоище: „несть мощно никому же исчести силы их“;[1] в Повести о Еруслане: „не мошно ея (рати. — *А. Р.*) объехати и оком

[1] Русский исторический сборник, т. III, кн. 1, М., 1838, стр. 23.